

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СУДЬБАХ НАРОДОВ И РЕГИОНОВ РОССИИ
THE FIRST WORLD WAR IN THE DESTINIES OF THE PEOPLES AND REGIONS OF RUSSIA

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-390-402>
EDN: OVFYOC

Научная статья / Research article

**Досуг в повседневной жизни этнических групп
городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны**

Екатерина Юрьевна Семенова

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия
Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук,
Самара, Россия

dashka129k@yandex.ru

Аннотация: Реконструированы виды досуга национальных общностей, постоянно проживавших и прибывших с началом Первой мировой войны на территорию Поволжья. Выявлены общие тенденции в досуге представителей этнических групп, а также досуговые практики, типичные для данного этноса. Проанализированы тенденции, появившиеся в досуговых практиках в связи с особенностями эпохи. Автор пришел к выводу, что представители национальных групп, постоянно проживавших на территории Поволжья, включались в повсеместно распространенные развлечения: общегосударственные праздники, посещали маскарады, лекции, спектакли, концерты. С учетом национального и конфессионального состава населения выделяются также отмечаемый татарами-мусульманами праздник Сабантуй, посещение концертов и спектаклей гастролировавших в городах Поволжья этнических трупп (еврейских, малороссийских). С военной эпохой был связан широко распространенный благотворительный контекст развлечений. Этнические общины, сформировавшиеся в условиях войны (литовские, латышские, эстонские, польские, еврейские), организовывали их на платформе национальных благотворительных обществ и с учетом этнической специфики.

Ключевые слова: история повседневности, досуговое пространство, национальные праздники, структура городской культурно-досуговой среды, пространство общедоступных культурно-просветительских мест досуга

Для цитирования: Семенова Е.Ю. Досуг в повседневной жизни этнических групп городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 4. С. 390–402. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-390-402>

**Leisure in the Daily Life of Various Ethnic Groups of the Urban
Population of the Volga Region during the First World War**

Ekaterina Yu. Semenova

Samara State Technical University, Samara, Russia
Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Samara, Russia

dashka129k@yandex.ru

Abstract: The author reconstructs the leisure activities of national communities that permanently lived and arrived in the Volga region at the outbreak of the First World War. General trends in the leisure of representatives of ethnic groups, as well as leisure practices typical of this ethnic group, were

© Семенова Е.Ю., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

revealed in the text, and trends that appeared in leisure practices in connection with the peculiarities of the era are also analyzed. The author came to the conclusion that representatives of the various national groups that permanently lived in the Volga region actively participated in ubiquitous public entertainment: national holidays, attended masquerades, lectures, performances, and concerts. Taking into account the national and confessional composition of the population, the Sabantuy holiday celebrated by the Muslim Tatars, attendance at concerts and performances of ethnic troupes (Jewish, Little Russian) touring in the Volga cities are also major forms of public entertainment indicated by the author. During the war, there was also a widespread charitable context of public entertainment; various ethnic communities during the war (Lithuanian, Latvian, Estonian, Polish, Jewish) organized events through national charitable societies, which took into account ethnic specifics.

Keywords: history of everyday life, leisure space, national holidays, structure of urban cultural and leisure environment, space of public cultural and educational leisure places

For citation: Semenova, E.Yu. “Leisure in the Daily Life of Various Ethnic Groups of the Urban Population of the Volga Region during the First World War.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 4 (November 2024): 390–402 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-390-402>

Введение

Актуальность. Тема досуга населения в условиях Первой мировой войны включает в себя часть повседневной жизни человека, позволяет выявить вовлеченность общества в культурный процесс, формы компенсаторных социальных практик.

Степень изученности проблемы. Данная тема разрабатывалась и на материалах Поволжья. Исследователи воссоздали структуру городской культурно-досуговой среды¹, выявили содержание культурно-досуговых программ народов Поволжья в годы Первой мировой войны².

На основе анализа круга чтения, библиотечной структуры и периодики установлены отличия в развитии части досугово-инфраструктурной среды в пределах поволжских губерний, между уездными и губернскими центрами³.

По локальным территориям рассмотрены вопросы участия органов местного самоуправления в формировании и развитии культурно-досуговых учреждений и организации мест досуга⁴.

Исследователи обратили внимание на национальный фактор в структуре и содержании культурно-досуговых практик по отдельным территориям Поволжья: выявлены издания, публиковавшиеся на национальных языках – татарском⁵, немецком⁶, рассмот-

¹ Максимов Е.К., Тотфалушин В.П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны: учеб. пособ. к курсу «История Саратовского Поволжья». Саратов, 2007. С. 106–119; Матвиевский И.Н. Повседневная жизнь костромичей в годы Первой мировой и Гражданской войн // Музейный хронограф. Сб. статей и исторических документов. Вып. 8. Кострома, 2020. С. 227–234; Семенова Е.Ю. Пространство общедоступных культурно-просветительских мест досуга губернского провинциального города в годы Первой мировой войны: возможности и проблемы инфраструктуры (на материалах Самары) // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2021. Т. 3. № 4. С. 34–43. DOI: <https://doi.org/10.37313/2658-4816-2021-3-4-34-43>.

² Семенова Е.Ю. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 г.). По материалам Самарской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний. Самара, 2007.

³ Семенова Е.Ю. Возможности чтения в условиях провинциального российского города в годы Первой мировой войны (по материалам Поволжья) // Научный диалог. 2021. № 1. С. 392–410. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-392-410>.

⁴ Солдатов Я.В. Культурно-просветительская деятельность земских органов самоуправления в период Первой мировой войны на примере Казанской губернии // Научный диалог. 2013. № 11 (23): История. Социология. Философия. С. 44–51.

⁵ Абызова Р.Р. Татарские детские журналы (1907–1918) и судьбы их создателей // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 4. С. 59–67; Ак Юл // Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. Казань, 2002. Т. 1: А–В. С. 72.

⁶ Бичанина З.И. Немецкий компонент в культурной жизни Саратова (1870-е – 1930-е гг.): автореф. дис. ... к.и.н. Саратов, 2010. С. 21–22.

рены аспекты функционирования татарских театральных трупп⁷, проанализирована социально-экономическая деятельность этно-конфессиональных структур⁸.

Накопленный исторический материал позволяет достаточно подробно характеризовать общий ракурс досуговых возможностей горожан Поволжья. Однако его национальная специфика среди жителей Поволжья в условиях Первой мировой войны нуждается в более детальной проработке. Данная цель определена на основе учета традиционного к началу войны многонационального состава населения части поволжских территорий, а также миграционных процессов, приводивших к появлению новых этнических групп в составе жителей Поволжья, где до войны население было моноэтническим.

Источниковая база. Ценные сведения содержатся в материалах делопроизводственной документации. Данные документы находятся в архивных фондах губернских канцелярий: Канцелярии симбирского губернатора (Ф. 76) Государственного архива Ульяновской области, Канцелярии Ярославского губернатора (Ф. 73) Государственного архива Ярославской области, Канцелярии самарского губернатора (Ф. 3) Центрального государственного архива Самарской области.

Через канцелярии губернатора проходили разрешительные документы об открытии различных обществ, организации и проведении культурно-развлекательных программ. Ценную информацию содержит документация фонда структуры, занимавшейся вопросами публикаций, в Государственном архиве Республики Татарстан – Казанский временный комитет по делам печати (Ф. 420). В делах данного фонда представлен перечень и статистика изданий на национальных языках.

Имеющие значение для разрабатываемой проблематики сведения, включающие статистику по составу населения городов, представлены в фондах управлений, в том числе в Государственном архиве Ульяновской области – Симбирском губернском правлении (Ф. 88). Также они выявлены в фондах различных обществ, в том числе ориентированных на национальные группы: Казанского городского комитета по оказанию помощи беженцам (Ф. 406) Государственного архива Республики Татарстан и Самарского объединенного Латышско-Литовско-Эстонского комитета по оказанию помощи беженцам (Ф. 749) Центрального государственного архива Самарской области.

Аналогичного рода документы содержатся также в сборниках опубликованных документов. Они включают отчеты губернского руководства, статистические сведения о деятельности национальных общностей в городах поволжских губерний в годы войны.

Важным источником являются дореволюционные публицистические издания – адрес-календари, справочные и памятные книжки, в которых публиковался перечень действовавших на территории губернии обществ и выходивших здесь периодических изданий, а также региональная периодическая печать (газеты «Костромская жизнь», «Костромской телеграф», «Рыбинский листок», «Астраханский вестник», «Казанский телеграф» и другие) с данными о местных обществах, проводимых ими мероприятиях с участием представителей этнических групп.

Национальный состав населения городов Поволжья к началу и в годы Первой мировой войны

В ряде населенных пунктов поволжских губерний еще до войны в национальном составе населения преобладали русские, но присутствовали и иные этнические группы.

⁷ Габдрафикова Л.Р., Салихов Р.Р. Трудовая повседневность татарских артистов начала XX века // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 4. С. 18–23.

⁸ Кищенко М.С. Европейские диаспоры в Ярославской губернии (конец XIX в. – 1917 г.): автореф. дис. ... к.и.н. Ярославль, 2011 и др.

В городах, прежде всего губернских, функционировали этнические общины. Так, в Ярославле протестантская немецкая община сложилась еще в 1817 г.⁹ В Костроме к началу войны существовала маленькая еврейская община¹⁰. На территории Саратовской губернии немецкие колонисты стали расселяться еще со второй половины XVIII в.

К началу войны в составе населения Поволжских губерний этносы, без учета русского, были представлены неравномерно. В Костромской и Ярославской губерниях на иные народы¹¹ приходилось всего 0,4 % жителей (евреи, немцы, поляки, финно-угры, татары), в Нижегородской – 6,8 % (2,6 % – татары, 3,8 % – финно-угры), в Казанской – 61,6 % (54 % – татары, 7 % – финно-угры), в Симбирской – около 32 % (19 % – татары, 12 % – финно-угры), в Самарской – 31,1 % (14 % – татары, 9 % – финно-угры, 8 % – немцы), в Саратовской – 27 % (7 % – немцы, 5 % – финно-угры, 4,6 % – татары), в Астраханской – 46 % (30 % – татары, 14 % – монголы)¹².

На основе религиозных предпочтений населения имперского периода можно заключить, что в некоторых городах Поволжья этнический компонент, представленный не русским населением, к началу войны был весомым. Так, в Лукоянове Нижегородской губернии поляки составляли около 18 % населения, в Камышине Саратовской губернии немцы – 17 %. В Казанской губернии на татар приходилась 1/6 населения Казани, Мамадыша, Тетюшей, более 1/4 – Чистополя, а в Цивильске около 5 % являлись поляками и 5 % – немцами. Около 7 % жителей Астрахани составляли армяне, 1/10 – татары¹³.

С началом войны в тыловые губернии были перемещены эвакуированные и хлынул поток беженцев из западных районов страны. В Ярославской губернии в конце 1916 г. наиболее крупными диаспорами из переселенцев стали поляки (5,7 тыс. чел.), латыши (2,6 тыс. чел.) и литовцы (2 тыс. чел.)¹⁴. В Костроме к концу 1916 г. проживали более 5 тыс. беженцев¹⁵, как сообщалось в местной газете: «На улицах часто слышится польская и латышская речь»¹⁶. В Нижнем Новгороде к началу 1916 г. проживали 1,5 тыс. литовцев-беженцев¹⁷. В Самаре к началу октября 1915 г. было более 7 тыс. беженцев в составе 2,2 тыс. поляков, 2,7 тыс. украинцев, 542 латышей, 941 еврея, 180 литовцев и т.д., а к середине февраля 1916 г. поляков – 9,1 тыс. чел., латышей – 2,7 тыс., литовцев – 2,1 тыс., евреев – 3,3 тыс.,

⁹ Кищенко М.С. Немецкая диаспора в Ярославской губернии в конце XIX – начале XX в. // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 312.

¹⁰ Костромская жизнь. 1914. 22 июля. С. 3.

¹¹ В статистических ежегодниках, издававшихся в Российской империи и в фондах статистических комитетов не представлена численность ряда народов в годы войны, поэтому раскрыть точно этнический состав населения не представляется возможным. Так, не выделены в самостоятельную группу чуваша, которые включены в состав «тюрко-татар», белорусы и украинцы помещены в группу «русские». К «финнам» отнесены эстонцы, мордва и марийцы. Отдельно фигурируют «монголы», с которыми соотнесены калмыки Астраханской губернии.

¹² Статистический ежегодник России 1913 год. СПб., 1914. С. 63–64.

¹³ Андес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 год. С. 780–781; Статистический обзор Астраханской губернии за 1914 год. Ведомость № 2; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 г.; Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 61. Оп. 216. Д. 950. Л. 3–6.

¹⁴ Кищенко М.С. Европейские диаспоры в годы Первой мировой войны на территории Ярославской губернии. С. 330.

¹⁵ Матвиевский И.Н. Повседневная жизнь костромичей в годы Первой мировой и Гражданской войн. С. 170, 175.

¹⁶ Костромской телеграф. 1915. 4 июля. № 4. С. 3.

¹⁷ Нижегородская губерния в годы первой мировой войны... С. 334.

немцев – 1,5 тыс., эстонцев – 42 чел.¹⁸ В Симбирской губернии к концу января 1916 г. в городах осели 4,4 тыс. беженцев. Преобладающим этносом среди них являлись русские, но были также евреи и иные народы¹⁹. В Саратовской губернии к осени 1917 г. были размещены поляки (20 тыс. чел.), евреи (6 тыс.), латыши, переселенные немцы (20 тыс.)²⁰. В Астраханской губернии к концу 1916 г. были сосредоточены 43,8 тыс. беженцев и эвакуированных, в том числе евреев, поляков, немцев, латышей, русин²¹. В результате переселения представителей ряда этнических групп в губернию, например, в Черном Яре доля католиков (считаем прежде всего поляков и литовцев) с 0,2 % в 1914 г. возросла до 2,8 % в 1915 г. и 3,4 % в 1916 г., а лютеран (считаем немцев, эстонцев и латышей) увеличилась, соответственно с 0 % до 5,6 % и 8,5 %²².

Объединения этнических общностей в городах Поволжья

До войны локально проживавшие этносы объединялись в составе различных обществ и комитетов в целях совместной деятельности, ориентированной на взаимопомощь и совместное времяпровождение. Так, в Казанской губернии к началу войны функционировали Общество пособия бедным Римско-католического прихода, Общество пособия бедным мусульманам города Казани, Общество пособия бедным евреям города Казани²³.

В годы Первой мировой войны подобная практика продолжилась и обрела новые тенденции: этнические диаспоры сплачивались в составе национальных комитетов для помощи не только местным жителям, но и прибывшим беженцам, эвакуированным и иногда военнопленным – представителям данных этнических групп и единоверцам.

Так, в Ярославле активизировала свою работу в адрес перечисленных групп ярославская протестантская община²⁴, которая помогала теперь немцам и латышам, а католическая община в составе Благотворительного общества при римско-католической церкви заботилась о поляках и литовцах²⁵. Были созданы Латышский комитет по оказанию помощи беженцам-латышам, общество «Родина» по оказанию помощи латышам, Ярославское еврейское общество по оказанию помощи жертвам войны, отделение Литовского общества помощи беженцам, Ярославское отделение Центрального польского комитета помощи жертвам войны, Польский обывательский комитет²⁶, благотворительное общество при лютеранской церкви²⁷. В Рыбинске появились литовский и латышский благотворительные комитеты по оказанию помощи беженцам²⁸. В Казани Латышский комитет по оказанию помощи беженцам

¹⁸ Самарская губерния в годы Первой мировой войны... С. 490, 504–506.

¹⁹ Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 88. Оп. 1. Т. 2. Д. 2094. Л. 17–18, 129, 144.

²⁰ Максимов Е.К., Тотфалушин В.П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны... С. 46.

²¹ Тимофеева Е.Г., Лебедев С.В. Беженцы Великой войны в Астраханской губернии 1915–1918 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 4 (41). С. 290.

²² Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 803. Л. 4; Д. 845. Л. 53, 67, 69, 75.

²³ Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 год. С. 343–348.

²⁴ Кищенко М.С. Немецкая диаспора в Ярославской губернии... С. 312.

²⁵ Кищенко М.С. Европейские диаспоры... С. 331–332; Обзор Ярославской губернии за 1914 год... С. 39.

²⁶ Гулин А.О. Провинциальное общество в условиях первой мировой войны (на материалах Владимирской, Костромской и Ярославской губерний). Дис. ... к.и.н. Кострома, 2016. С. 118; Критский П.А. Путеводитель-справочник по Ярославлю на 1916 год. Ярославль, 1916. С. 57; Справочная книжка Ярославской губернии на 1915 год. С. 32–37.

²⁷ Справочная книга Ярославской губернии на 1916 год. С. 54–55.

²⁸ Адрес-календарь // Справочная книга Ярославской губернии на 1916 год. С. 80–82.

был основан 10 августа 1915 г., его работа предполагала в том числе и «удовлетворение духовных нужд»²⁹. В Симбирске было образовано Симбирское отделение Петроградского общества вспомоществования беднейшим семьям участвующему в войне и бедствующему польскому населению³⁰, Латышский комитет по устройству беженцев. В Саратове учредили Саратовский латышский комитет для оказания помощи беженцам. В Самаре были созданы Самарский Латышский комитет по устройству беженцев³¹, Польский комитет о беженцах, сложившийся из членов местной польской общины под руководством ксендза Лапшиса, служившего в католическом костеле Самары, отделение Общества просвещения евреев, в задачи которого входило удовлетворение запросов «в области культурно-просветительных нужд»³². В Нижнем Новгороде функционировали Польский комитет помощи жертвам войны при Нижегородском отделении Римско-католического благотворительного общества, Нижегородский Еврейский комитет помощи беженцам и жертвам войны, комитет Нижегородского отделения Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны, Нижегородский отдел Латышского общества вспоможения беженцам «Родина»³³. Польский, литовский, латышский, еврейский комитеты помощи беженцам работали практически в каждом губернском городе, поскольку на территорию Поволжья прибывали беженцы и переселенцы – представители данных этносов.

Инициатива открытия таких объединений обычно исходила от местных этнических общин. Так, в Самаре представители еврейской общины (купец Ефим Яковлевич Вайнштейн и доктор медицины Александр Сергеевич Шоломович) в связи с прибытием в город беженцев-евреев обратились к губернатору с предложением открыть Еврейский комитет помощи жертвам войны, что и было разрешено уже 31 августа 1915 г.³⁴ В Бугуруслане Самарской губернии, состав населения которого включал татар-мусульман, ахун (глава городской мусульманской общины) Мухамет Рахманкулов в марте 1915 г. инициировал перед губернатором созыв общего собрания мусульман города для решения вопроса об открытии местного отдела Временного Мусульманского Комитета по оказанию помощи воинам и их семьям, центральный штаб которого работал в Петрограде и уже в июне получил положительный ответ³⁵.

Процесс объединения близких этнических общностей в условиях войны демонстрирует история создания Самарского объединенного Латышско-Литовско-Эстонского комитета по оказанию помощи беженцам. В Самаре еще до войны проживали эстонцы и латыши. В годы войны образовались эстонская и латышская общины. В декабре 1914 г. в связи с прибытием в город беженцев-литовцев в Самаре открылся отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны. Центральный комитет данного общества работал в Петрограде, 7 декабря официально самарский отдел был структурирован в его состав. При этом данная структура на местном уровне заявляла себя как Латышско-Литовско-Эстонский комитет, имела свое помещение в доме Нестерова по адресу Николаевская улица, дом 151 и осуществляла помощь представителям всех трех народов. 28 июля 1915 г. под председательством уполномоченного Латышского комитета в г. Риге Яна Яновича Штрауберга состоялось собрание 25 латышей, проживавших в Самаре, и был учре-

²⁹ Государственный архив Республика Татарстан (далее – ГА РТ). Ф. 406. Оп. 1. Д. 24. Л. 1, 9, 58.

³⁰ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1279. Л. 73–78.

³¹ ЦГАСО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 30, 56.

³² Самарская губерния в годы Первой мировой войны... С. 488, 511.

³³ Нижегородская губерния в годы Первой мировой войны... С. 294, 317.

³⁴ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 131. Д. 75. Л. 1–2.

³⁵ Там же. Оп. 130. Д. 16. Л. 1.

жден Самарский Латышский комитет под руководством инженера Р. Пивеля. В августе 1915 г. самарские эстонцы и эстонцы-беженцы из Прибалтийского края, проживавшие в городе, провели собрание в целях организации Эстонского комитета помощи беженцам. В его состав вошли представительные лица: преподаватель самарского реального училища Вильгельм Петрович Тидеман, бухгалтер самарской конторы Зингер Иоанн Янович Гнадентейх, купец Владимир Михайлович Нигголь, помощник ревизора самарской контрольной палаты Константин Христофорович Бетхер, посмошник начальника конторы движения Самаро-Златоустовской железной дороги Иосиф Фомич Рейсберг, управляющий самарским аптекарским магазином «М.М. Позерн» Аксель Германович Майбах, заведующий самарской городской электроосветительной сетью инженер-электрик Ганс Яковлевич Ярв (председатель) и другие. Поскольку к данному времени эстонским беженцам помогал на добровольной основе самарский Латышский комитет, это определило решение собравшихся – объединиться с Латышским комитетом, а также и с Литовским, что было осуществлено к 31 августа. Осознание близости этнических групп отражено в формулировке целей комитета – для «совместной работы в пользу беженцев с общей родины – Прибалтийского края». Знаковым стало и место проведения собрания – евангелически-лютеранская церковь, которую посещали латыши и эстонцы³⁶.

Общероссийский контекст и национальная специфика в досуге этнических групп поволжского общества

Досуговые практики национальных общностей, проживавших и оказавшихся в годы войны в городах Поволжья, во многом пересекались с распространенными среди населения в целом, в том числе русского. Так, в декабре 1915 г. в Рыбинске в преддверии Нового года местный отдел латышского общества «Родина» организовал елку для детей-латышей. На празднование собрались порядка 100 чел.³⁷

Входя в состав различных структур, ориентированных на организацию досуга, представители национальных общностей принимали участие в общегородских развлечениях. Например, среди учредителей всесословного общественного собрания в Бугульме Самарской губернии присутствовали поселянин Фридрих Фридрихович Кириш, крестьяне Салих Садриг Рахманкулов и Якуп Иманович Ильясов, потомственный почетный гражданин Сергей Карлович Люрс, мещанин Хусаин Хасынович Латыпов. Устав общества предполагал «проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой», в том числе организовывать балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера, спектакли, не азартные игры в карты, домино, шашки, шахматы, бильярд³⁸.

Часть досуговых практик этнических групп отличалась наличием языковой специфики. В Казанской губернии, прежде всего в Казани, еще до войны сложился представительный формат досугового пространства с национальным контекстом. До 1915 г. в помещении «Восточного клуба», располагавшегося на Евангелистской улице, для общения и развлечений приходили представители мусульманской (татарской) интеллигенции³⁹.

В крупных городах Поволжья работали библиотеки и выпускались периодика и книжная продукция, ориентированные на потребности национальных общностей. На территории Казанской губернии в Казани, Тетюшах, Чистополе, Мамадыше значимый процент жителей, как отмечалось выше, приходился на татарское насе-

³⁶ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 131. Д. 59. Л. 1, 2; Д. 87. Л. 1–8; Д. 211. Л. 3; Д. 141. Л. 1, 3; Ф. 429. Оп. 1. Д. 8. Л. 17; Волжский день. 1915. № 166. С. 3.

³⁷ Рыбинский листок. 1915. 23 декабря. С. 3.

³⁸ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 130. Д. 260. Л. 1–12, 16, 21.

³⁹ Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 год. С. 695.

ление. Возможности в чтении для него обеспечивали издания на татарском языке. Они печатались в Казани. Татары были одним из немногих народов Поволжья, грамотные представители которого могли читать не только как таковую, но и относительно тематически и численно разнообразно представленную периодику и книги на родном языке. Статистика по изданию печатной продукции позволяет заключить, что книг и периодики на иных языках народов Поволжья выходило мало.

На протяжении 1915 г. по Казанскому временному комитету по делам печати, в сферу деятельности которого входила значительная часть территории Поволжья, было выпущено 3020 неповрежденных изданий на нескольких языках народов Поволжья. Они распределялись в том числе по следующим направлениям: сочинения популярного характера – 60 (на татарском языке – 49, на русском – 8, на чувашском – 2, на черемисском – 1); книги для народного чтения – 166 (на татарском языке – 62, на русском – 36, на арабо-тюркском – 35, на киргизском – 22, на чувашском – 6, на черемисском – 1, прочих – 4); сочинения религиозно-нравственного характера – 191 (на русском языке – 89, на татарском – 28, на арабском – 21, на чувашском – 19, на черемисском – 14, на вотякском (удмуртском) – 11, на турецком – 5, на киргизском – 2, на церковно-славянском и русско-татарском – по 1); книги для детского чтения – 2 (на русском языке); календари – 30 (на татарском языке – 16, на русском – 14); беллетристика – 145 (на татарском языке – 89, на русском – 51, на чувашском, болгарском, киргизском и турецком – по 1); научные сочинения – 346 (на русском языке – 338, на татарском – 6, на немецком и турецком – по 1); музыкальные сочинения – 13 (на татарском языке – 11, на русском и чувашском – по 1); прочие – 1899 (на русском языке – 1825, на татарском – 52, на русско-татарском – 13, на киргизском – 5, на арабском – 4)⁴⁰.

К началу и в годы войны на татарском языке в Казани выходили следующие газеты: «Русия саудаси [Торгово-промышленная Россия]», «Баянулхак [Разъяснительные истины]» (редактор – Ш.А. Иманаев), «Кояш [Солнце]» (редактор – З. Садреддинов), «Юлдуз [Звезда]» (редактор-издатель – А.-Г. Н. Максудов) и журналы: «Аддин-ва-Адаб [Вера и нравственность]» (редактор-издатель – Г.М. Галлеев), «Анг [Понимание]» (А.Г.С. Хасанов), «Ак-Юл [Светлый путь]» (редактор – Ф.-И. Н. Агеев), «Сеюм-бика» (редактор – Я.И. Халиуллин), «Ялт-Юлт [Сверкание]» (редактор – А.Ш. Урманчеев), «Хукук-ва-Хоят [Право на жизнь]»⁴¹ (редактор – Ш.-А. Х. Иманаев), «Мектеб [Школа]» (редактор – Ш.Ш. Ахмеров)⁴².

Тематика изданий свидетельствует о том, что чтение на национальном языке являлось одной из форм досуга не только с предпочтением жанровой направленности, но и с учетом гендерной специфики (свои читательские ориентиры были у мужчин, у женщин, у детской аудитории)⁴³.

Среди библиотек, ориентированных на этнические общности, можно отметить казанские библиотеки-читальни: Общества распространения просвещения между евреями в России, Мусульманскую библиотеку и читальню (филиал Казанской городской библиотеки), Русско-мусульманскую библиотеку и читальню Восточного клуба, библиотеку без читального зала немецкого женского общества⁴⁴. Таким образом, библиотечная сеть губернского города позволяла осуществлять

⁴⁰ ГА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 274. Л. 2–3.

⁴¹ Название ряда изданий в правописании на русском языке отличается при сравнении информации в «Адрес-календаре» и по архивным документам.

⁴² Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 год. С. 676–678; ГА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 274. Л. 4–8.

⁴³ Абызова Р.Р. Татарские детские журналы (1907–1918) и судьбы их создателей... С. 62–64; Ак Юл... С. 72.

⁴⁴ Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 год. С. 680.

культурно-просветительный досуг на родном языке представителям еще трех национальных групп, помимо русского населения.

На национальных языках проводились литературные вечера, осуществлялись постановки спектаклей и концертные программы. Например, в Казани функционировала татарская драматическая труппа «Сайяр»⁴⁵. В Симбирске 9 февраля 1915 г. в помещении театра Д.С. Булычевой прошел благотворительный спектакль, поставленный любителями-татарами в «строго восточном стиле»⁴⁶. В Самаре Латышско-Литовско-Эстонским комитетом в Городском театре 6 сентября 1915 г. была организована лекция, а 8 сентября – концерт при участии латышского хора⁴⁷. В Рыбинске 30 сентября 1916 г. в Городском театре члены местного общества «Ипдрани» представили спектакль на латышском языке⁴⁸. В Ярославле 20 декабря 1916 г. членами Ярославского еврейского общества оказания помощи жертвам войны в Городском театре имени Волкова был поставлен спектакль, после которого состоялось кабаре на русском и еврейском языках, а 26 декабря члены Ярославского отделения польского общества помощи жертвам войны в помещении реального училища показали любительский спектакль на польском языке⁴⁹. В Астрахани 1 февраля 1917 г. в здании армянской семинарии был организован вечер общества любителей армянской литературы и искусства⁵⁰.

Просмотр спектаклей на родном языке или по произведениям национальных авторов был доступен представителям этнических общностей поволжских городов и благодаря гастролям национальных трупп. Так, в начале ноября 1914 г. в Казани в Новом клубе шли постановки гастрوليрующей мусульманской труппы Кудашева-Ишкадарского⁵¹. Еврейские опереточные и драматические труппы выступали в Самаре в феврале 1916 г., в марте 1917 г., в Симбирске – в июле 1917 г. Украинские труппы представляли национальный репертуар в Самаре в январе 1915 г., в Саратове – в марте 1915 г. и в ноябре 1916 г., в Симбирске – в августе 1915 г.⁵²

Исследователи отмечают в досуге военных лет широко распространенную тенденцию – благотворительный контекст в пользу беженцев, раненых, фронтовиков и иных нуждающихся групп общества⁵³. Так, 1 апреля 1915 г. в Симбирске прошел вечер «Польская цукерня», организованный Симбирским отделением Петроградского общества вспомоществования беднейшим семьям, участвующим в войне, и бедствующему польскому населению в поддержку поляков, проживавших в городе⁵⁴.

Благотворительный контекст при организации досуга внес коррективы в развлечения национальных групп. Л.Р. Габдрафикова выявила, что для татарского мусульманского населения стали более доступными веселые театральные постановки и концерты, поскольку под эгидой благотворительной акции они формально не противоречили устоям ислама⁵⁵.

⁴⁵ Габдрафикова Л.Р., Салихов Р.Р. Трудовая повседневность татарских артистов... С. 21.

⁴⁶ Симбирские страницы Первой мировой... С. 49.

⁴⁷ Самарская губерния в годы Первой мировой войны... С. 621–622.

⁴⁸ Рыбинец. 1916. № 2. 28 сентября. С. 3.

⁴⁹ Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 73. Оп. 7. Д. 1331. Л. 9 об., 13–14, 120, 124, 126, 129, 132–136, 138, 144.

⁵⁰ Астраханский вестник. 1917. 1 февраля. С. 3.

⁵¹ Казанский телеграф. 1914. 2 ноября. С. 1.

⁵² Семенова Е.Ю. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны... С. 195–199.

⁵³ Матвиевский И.Н. Повседневная жизнь костромичей... С. 228.

⁵⁴ ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 1950. Л. 127.

⁵⁵ Габдрафикова Л.Р. Татарское общество в годы Первой мировой войны: актуальные проблемы изучения // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны: сб. мат. Всерос.

Узконациональный контекст досуга был связан прежде всего с религиозной идентичностью. Так, мусульмане (в городах Поволжья в основном татарское население) отмечали Сабантуй. В Самаре мусульманская община арендовала для этого ипподром, где организовывались скачки с призами, борьба, бега и другие развлечения, приглашала оркестр для музыкального сопровождения, организовывала буфет, распространение билетов, доступных для лиц с разным уровнем достатка (от 15 коп. до 3 руб.)⁵⁶.

В повседневно-досуговой практике на национальном языке осуществлялось пение, служившее разрядкой и возможностью скоротать время. Иногда это приводило к курьезным последствиям. Например, новобранцы из числа немецких колонистов во время переправки из Саратова в Симбирск в августе 1915 г. «распевали на немецком языке песни», за что были после высадки с парохода препровождены на сборный пункт в сопровождении полицейского конвоя⁵⁷.

Важным событием в жизни верующих было посещение культовых мест. Так, в Нижнем Новгороде в еврейском молитвенном доме представители местной еврейской общины, например, в августе 1914 г. собирались для молитв «о здравии Государя Императора», «даровании победы русскому воинству», в марте 1915 г. – «по поводу взятия крепости Перемышль и... даровании дальнейших побед русскому оружию». На молитвы приходило много людей (к сентябрю 1915 г. в городе проживали уже порядка 2,6 тыс евреев-беженцев), и в местной прессе даже сообщалось, что по «случаю переполнения еврейской синагоги, вследствие значительного наплыва евреев, среди которых много больных и раненых воинов», поступило обращение «устраивать параллельные пасхальные богослужения в доме Поляк»⁵⁸.

Среди форм досуга, связанных с национальной идентичностью, отметим деятельность по сохранению памяти о данном народе. В этой связи члены самарского эстонского общества занимались сбором финно-угорских костюмов и памятников старины. Эту практику сотрудники общества осуществляли по поручению Эстонского национального музея города Юрьевца и даже стали сотрудничать в данном вопросе с Самарским археологическим обществом⁵⁹.

Для некоторых этносов привычные формы досуга в условиях войны были ограничены или ликвидированы. З.И. Бичанина пришла к заключению о том, что в Первую мировую войну культурно-досуговая деятельность немецкой диаспоры в Саратове была свернута из-за пропаганды и гонений на немецкое общество в столицах⁶⁰.

В период революционного процесса, развернувшегося в годы войны, в досуг населения, в том числе этнических групп, включается политизированный контекст. Так, в июне 1917 г. в Нижнем Новгороде культурно-просветительская комиссия при комитете «Бунда» организовала вечер, на котором присутствовала «почти вся еврейская демократия», в отличии от местной буржуазии, а в программе фигурировали доклад «Наши культурные задачи», чтение реферата «Ш. Алейхем, как народный писатель», произведений Ш. Алейхема, музыкальные номера, среди которых были и революционные «Марсельеза» и «Швэ»⁶¹.

науч. конф. с международным участием, приуроченной к 100-летию начала войны (г. Казань, 10-11 октября 2014 г.) / под общ. ред. Л.Р. Габдрафиковой. Казань, 2014. С. 71.

⁵⁶ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 130. Д. 72. Л. 1 б – 2.

⁵⁷ Самарская губерния в годы Первой мировой войны... С. 191.

⁵⁸ Евреи в общественно-политической жизни... С. 39, 41, 43.

⁵⁹ ЦГАСО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 8. Л. 3, 17.

⁶⁰ Бичанина З.И. Немецкий компонент в культурной жизни Саратова (1870-е – 1930-е гг.): автореф. дис. ... к.и.н. Саратов, 2010. С. 23.

⁶¹ Евреи в общественно-политической жизни... С. 86.

К сожалению, не представляется возможным раскрыть досуг ряда народов, проживавших в Поволжье, в том числе калмыков, которые размещались на территории Калмыцкой степи в Астраханской губернии в составе более 143,7 тыс. чел. к началу 1914 г., а также чувашей, мордвы, которые отдельно в статистике населения вовсе не фигурировали. Представительность данных народов в составе городского населения, очевидно, не позволяла создавать им самостоятельные сообщества и реализовывать меры по сохранению национальных традиций. Данные этносы компактно проживали в населенных пунктах сельской местности. История их повседневности представляет интерес в рамках отдельного исследования.

Выводы

К началу Первой мировой войны во многих городах Поволжья большую часть населения составляли русские. В некоторых городах значимая доля в составе местного общества приходилась на иные этнические группы – татар (Астрахань, Казань, Мамадыш, Тетюши, Чистополь, Цивильск), поляков (Лукоянов, Цивильск), немцев (Камышин). Отличалось этническое пространство сельской местности, окружавшей города. В Ярославской и Костромской губерниях оно являлось моноэтническим, и присутствие других, кроме русского, народов было редким явлением. В Самарской и Саратовской губерниях проживало достаточно много немцев. Наиболее представительным по численности народом, кроме русских, в губерниях Среднего и Нижнего Поволжья и в Казанской губернии являлись татары, а в Астраханской губернии еще и калмыки. Народы финно-угорской группы в статистике населения как самостоятельные не выделялись, что осложняет их статистическую идентификацию.

В годы войны состав населения города пополнили беженцы разных национальностей – поляки, евреи, немцы, эстонцы, латыши, литовцы и другие, «экзотические» для ряда населенных пунктов или привычные в городской среде части Поволжья, но значительно расширившие свое присутствие в период беженства, эвакуации и переселения.

Перечисленные факторы повлияли, соответственно, на формирование в довоенный период или складывание в условиях войны национальных общин в составе городского населения. Наличие национальных корней в пределах городских центров позволяло объединяться, выступать с инициативами образования национальных комитетов, благотворительных национальных обществ, деятельность которых охватывала и досуговую сферу жизни этнических групп. Инициатива создания таких объединений, исходящая от местных обывателей-старожилов, свидетельствовала о консолидации на основе национальной идентичности местного общества и прибывавшего населения.

Как и для русских, для иных этнических групп, проживавших в городе, были доступны различные формы досуга – общеимперские праздники, весь спектр развлекательных услуг. Однако для одного из народов Поволжья, немцев, реализация досуга в условиях войны была сопряжена с вероятной огульной критикой со стороны местного общества.

Досуг с национальным колоритом предполагал посещение культовых учреждений, в зависимости от приверженности к определенной религии, что было возможно в губернских и уездных центрах для иудеев, лютеран, католиков, мусульман. Культурно-досуговые практики с национальным форматом включали чтение на родном языке книг и периодики для некоторых народов Поволжья, прежде всего для татарского общества, отчасти для немецкого и достаточно ограниченно для других тюркских и финно-угорских народов Поволжья. Также обыватели, организованные в общины, развлекали себя литературными вечерами, спектаклями,

концертами, беседами, позволявшими ощущать национальное родство. Статистика данных мероприятий, фигурирующая в публикациях прессы и делопроизводственных материалах административных структур и национальных обществ, довольно малочисленна в сравнении с аналогичными программами на русском языке, государственном. По нашему мнению, это отражает проблему малой консолидации национальных групп в вопросах культурно-развлекательного плана, а также отсутствие специальных государственных и региональных программ по развитию национальной культуры. Данная тенденция была связана с неодинаковой численностью народов в составе городского общества Поволжья, исторически сложившегося к началу войны. Более многочисленная этническая группа, татары, проявляла себя активнее. Малочисленные этносы, присутствие которых в городе было подкреплено беженцами (латыши, поляки, литовцы, евреи, эстонцы) осуществляли культурно-просветительский досуг преимущественно под эгидой благотворительных мероприятий.

Первая мировая война повлияла на формирование в городах Поволжья национальных обществ. Поскольку переселенцам требовалась поддержка на новом месте проживания, культурно-досуговые практики часто организовывались в благотворительных целях, одновременно выполняя несколько функций – развлекательную, просветительскую, сбора материальной помощи для пострадавших от войны переселенцев.

Поступила в редакцию / Submitted: 27.02.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.04.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.08.2024

References

- Abyzova, R.R. “Tatar children's magazines (1907–1918) and the fate of their creators.” *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva* 1, no. 4 (2020): 59–67 (in Russian).
- Bichanina, Z.I. “German component in the cultural life of Saratov (1870s – 1930s).” PhD thesis, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, 2010 (in Russian).
- Gabdräfikova, L.R. “Tatarskoe obshchestvo v gody Pervoi mirovoi voyny: aktual'nye problemy izucheniia [Tatar Society during the First World War: actual problems of study].” In *Tatarskii narod i narody Povolzh'ia v gody Pervoi mirovoi voyny: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, priurochennoi k 100-letiiu nachala voyny (g. Kazan', 10-11 oktiabria 2014 g.)*, 67–76. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2014 (in Russian).
- Gabdräfikova, L.R., and R.R. Salihov “The Everyday Working Life of Tatar Actors on the Early 20th Century.” *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 4 (2020): 18–23 (in Russian).
- Gulin, A.O. “Provincial society in the conditions of the First World War (based on materials from the Vladimir, Kostroma and Yaroslavl provinces).” PhD thesis, Kostroma State University, 2016 (in Russian).
- Kischenkov, M.S. “European diasporas during the First World War on the territory of the Yaroslavl province.” *Yaroslavl Pedagogical Bulletin* 1, no. 1 (2011): 329–333 (in Russian).
- Kischenkov, M.S. “European diasporas in the Yaroslavl province (late XIX century – 1917).” PhD thesis. Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (in Russian).
- Kishchenkov, M.S. “The German diaspora in the Yaroslavl province in the late XIX – early XX centuries.” *Yaroslavl Pedagogical Bulletin* 1, no. 2 (2011): 310–312 (in Russian).
- Maksimov, E.K., and V.P. Totfalushin “Saratovskoe Povolzh'e v gody Pervoi mirovoj voyny: Ucheb. posob. k kursu ‘Istoriia Saratovskogo Povolzh'ia’ [Saratov Volga region during the First World War: Study. Method. to the course ‘History of the Saratov Volga Region’].” Saratov: Scientific Book Publ., 2007 (in Russian).

- Matvievsky, I.N. "Povsednevnaia zhizn' kostromichei v gody Pervoi mirovoi i Grazhdanskoi voyn [Everyday life of Kostroma residents during the First World War and the Civil War]." In issue 8 of *Muzeinyi khronograf. Sbornik statei i istoricheskikh dokumentov.*, 143–301. Kostroma: Kostroma Museum-Reserve, 2020 (in Russian).
- Semenova, E.Yu. "Reading Opportunities in a Provincial Russian City during the First World War (Materials from the Volga Region)." *Nauchnyi dialog*, no. 1 (2021): 392–410 (in Russian), <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-392-410>
- Semenova, E.Yu. "The space of publicly accessible cultural and educational places of leisure of the provincial provincial city during the First World War: opportunities and problems of infrastructure (based on Samara materials)." *Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical sciences* 3, no. 4 (2021): 34–43 (in Russian).
- Semenova, E.Yu. *Kul'tura Povolzh'ia v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – nachalo 1918 g.). Po materialam Samarskoi, Simbirskoi, Penzenskoi i Saratovskoi gubernii* [Culture of the Volga region during the First World War (1914 – early 1918). According to the materials of the Samara, Simbirsk, Penza and Saratov provinces]. Samara: Samara State Technical University Publ, 2007 (in Russian).
- Soldatov, Y.V. "Kul'turno-prosvetitel'skaia deiatel'nost' zemskikh organov samoupravleniia v period Pervoi mirovoi voiny na primere Kazanskoi gubernii [Cultural and educational activities of zemstvo self-government bodies during the First World War on the example of the Kazan province]." *Nauchnyi dialog*, no. 11 (2013): 44–51 (in Russian).
- Timofeeva, E.G., and S.V. "Bezhtensy Velikoi voiny v Astrakhanskoi gubernii 1915–1918 gg. [Lebedev Refugees of the Great War in the Astrakhan province 1915–1918]." *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, no. 4 (2014): 288–295 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Екатерина Юрьевна Семенова, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет; Россия, 443100, Самара, ул. Молодогвардейская, 244, Главный корпус; старший научный сотрудник Самарского федерального исследовательского центра РАН; Россия, 443001, Самара, Студенческий переулок, 3 а; dashka129k@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6509-0746>; SPIN: 1935-8243

Ekaterina Yurieva Semenova, Dr. Habil. Hist., Professor, Department of Philosophy and Social and Humanities, Samara State Technical University; maim bilding, 244, Molodogvardeiskaya Str., Samara, 443100, Russia; Senior Researcher Fellow of History and Archeology Department, Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Science; 3 a, Studencheskii pereulok Str., Samara, 443001, Russia; dashka129k@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6509-0746>; SPIN: 1935-8243